

КАРИНА ДЕМИНА

РАССКАЗЫ

Карина Демина

Рассказы

«Автор»

2023

Демина К.

Рассказы / К. Демина — «Автор», 2023

Предоставляем сборник небольших рассказов современной белорусской писательницы пишущий под псевдонимом Карина Дёмина. В сборник рассказов вошли авторские истории, написанные в самых разных жанрах. Киберпанк и антиутопия, научная фантастика и фэнтези, сказки добрые и сказки страшные, в которых звучат отголоски древних мифов. Их объединяет одно – это истории о людях во всем их многообразии. О выборе, который приходится делать, чтобы остаться человеком. Об ошибках и их цене. Многие рассказы участвовали в конкурсах и были отмечены наградами.

© Демина К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Кошачьи сказки	6
Работа	22
Огни святого Эльма	24
Полуденница	25
Предатель	27
Цветовод	28
Свет мой зеркальце	30
Верую	31
Эоли	36
Расскажи мне сказку	37
Перемены	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Карина Демина

Рассказы

© Карина Демина, 2023

Кошачьи сказки

1.

С Н'гаи-Кутуми мы познакомились осенью. Шел дождь, мелкий и холодный, ветер забирался под куртку, а в сапогах чавкала вода. Я бежала домой, перепрыгивая через лужи, и думала лишь о том, как бы поскорее оказаться на теплой кухне и попить чаю. Холодным осенним вечером нет ничего лучше горячего чая.

Я живу в большом пятиэтажном доме, сложенном из красного кирпича, а во дворе растет большой красивый дуб. Под дубом она и сидела, мокрая, дрожащая от холода и совершенно несчастная.

Н'гаи-Кутуми.

Тогда я не знала, что ее зовут Н'гаи-Кутуми и она особенная, тогда я видела перед собой очень-очень худую кошку.

– Мяу. – Сказала кошка, и я остановилась.

– Здравствуй.

– Здравствуй, – ответила она, отряхиваясь. Или это мне послышалось? Кошки ведь не умеют разговаривать.

– Ну чего смотришь? Лучше в гости пригласи. Нет, я конечно не напрашиваюсь, мне и здесь неплохо, но если вдруг на кухне отыщется теплое местечко, то я бы заглянула... Кстати, меня зовут Н'гаи-Кутуми, для друзей – просто Н'гаи, на кошачьем Н'гаи означает «охотница». У тебя мыши дома есть?

Кошка, склонив треугольную мордочку на бок, уставилась на меня. Мокрая шерсть выглядела страшно неопрятной, по длинным усам стекали капли дождя, а зеленые глаза смотрели с надеждой. Н'гаи выглядела такой несчастной, а мне было одиноко...

Спустя десять минут мы сидели на кухне, я пила чай, а Н'гаи-Кутуми мурлыкала, прижимаясь тощим боком к батарее.

– У тебя хорошо, – сказала она.

– Оставайся.

– Ну, если ты настаиваешь... – Н'гаи-Кутуми была очень независимой кошкой, и очень-очень умной, а еще она умела рассказывать сказки.

После появления Н'гаи-Кутуми жить стало интереснее. Теперь, возвращаясь домой, я была уверена, что меня ждут. Н'гаи-Кутуми выходила в коридор и, забравшись на подставку для обуви, терпеливо ждала, пока я разуюсь.

– Как дела? – Спрашивала она потом.

– Нормально, – отвечала я. И мы вместе шли на кухню, пить горячее молоко с медом и есть печенье. Потом я мыла посуду, а Н'гаи, устроившись на подоконнике, смотрела в окно. Однажды я спросила:

– Н'гаи, а почему ты так любишь смотреть в окно?

– Это интересно, – ответила она и устроилась поудобнее, – на улице постоянно что-то происходит. Иди сюда.

Я подошла. На улице уныло моросил дождь, мелкие капли скользили по стеклу, и я видела только грустные серо-бурые пятна. Одно пятно – небо, затянутое тучами, второе – двор с пожухлой травой и лужами, третье – дом. В нашем дворе три дома. Я живу в доме номер один, а из окна виден дом номер три, большой, как скала, грустный и серый.

Когда-то очень давно я ходила в зоопарк смотреть на слона. В зоопарке было много зверей: шустрые попугаи с яркими перьями и громкими голосами, забавные обезьяны, сонные львы и суетливые утки, которых можно было кормить семечками. Но я ходила смотреть на слона. Он казался таким огромным, таким печальным, таким одиноким...

– Видишь? – Спросила Н'гаи.

– Что?

– На третьем этаже в окне свет горит.

Теперь и я разглядела оранжевое пятнышко на бескрайнем сером поле дождя.

– Там живет мальчик, – продолжала Н'гаи. – Вообще-то я мальчишек не люблю, вечно они то камнем запустят, то собаку натравят, то еще что-нибудь придумают, но этот мальчик – особенный. Он добрый и вежливый, всегда со мной здоровался, а однажды колбасой угостил.

Я попыталась взглянуть в пятно, но оно дрожало и расплывалось вместе с дождевыми каплями. Н'гаи встала на задние лапы и царапнула стекло.

– А еще он очень одинокий мальчик. Он почти все время сидит дома. Один. Ему не разрешают играть с другими детьми и подходить к животным. Его родители считают, что все животные разносят заразу... Взрослые люди вообще поразительно слепы. Они запирают детенышей в клетки, и удивляются, что те несчастны. Иногда клетка есть даже когда ее не видно.

– Я тебя не понимаю.

– Ты же человек, – Н'гаи-Кутуми нервно дернула хвостом и едва не опрокинула горшок с фиалкой. – Вы, люди, очень многого не понимаете и не видите. Хочешь, я расскажу тебе одну историю? Она про мальчика, который сидел в клетке, и единорога. Знаешь, кто такие единороги?

– Конечно.

– Тогда слушай...

Желтый лист крошечным кусочком осени опустился на землю. Единорог фыркнул: этот мир менялся слишком стремительно, чтобы можно было жить спокойно. Казалось, только вчера Река поднатужилась и взломала ледяное покрывало, под которым обитатели вод прятались от зимних морозов, только вчера лопались зеленой тугие почки, звенели цикады, и сводил с ума аромат цветущей липы, только вчера началась жизнь, и вот, пожалуйста, снова осень.

Единорог хорошо знал, что вслед за красно-желтыми листьями приходят дожди, холод и белое кружево снега. Попав сюда случайно, он так и не сумел привыкнуть к зиме, наверное, слишком мало времени провел в этом странном мире.

– Эй, привет! – Мальчик приоткрыл окно. Здесь люди запирали себя в коробках из мертвого камня, почти такого же холодного, как зимние ночи. Камень вытягивал жизнь, но люди упорно не замечали этого, они гордились своими жилищами и норовили заполнить коробки ненужными вещами. А дети болели, совсем как маленький друг. Единорог тряхнул гривой и приблизился к дому.

– Я испугался, что ты не придешь. Видишь, – ребенок продемонстрировал сухой кленовый лист, – осень пришла. А потом зима будет. Ты снова исчезнешь. Почему ты уходишь зимой? Тебе холодно, да? Я тоже не люблю зиму, сидишь целый день взаперти... Лешка на санках катается, а мне нельзя, мама говорит, что, может быть, в следующий раз, только, знаешь, что я думаю?

Единорог мотнул головой, ему приятно было слушать Мальчика, Который Жил На Опушке Леса в коробке из белого камня. Зверь даже не отказался бы от совместной прогулки, но маленький друг никогда не покидал своего жилища. Маленький друг болел – забывший о существовании волшебства мир вынес уже свой приговор. Даже сказочное существо, случайно забредшее извне, было не в силах отменить его. Единственное, что он мог – это подарить отсрочку. День. Два. Неделя. Год. Единорог приходил сюда на протяжении пяти лет не

ради беседы, ласковых слов и горбушки хлеба, на которой плавилась белые кристаллики соли – хлеб с солью едят лошади – единорог приходил просто потому, что мог.

– Ты меня не слушаешь, – обиделся мальчик, – меня никто не слушает. Думают, что, раз я болен, то глупый. Я ведь умру, да? Сам знаю, что умру. И они знают, что я знаю, но не говорят, делают вид, будто все в порядке... Как ты думаешь, им станет легче, когда я умру? Может, мама тогда перестанет плакать, а папа хмурится? Алиска опять же... Они ведь не замечают ее, это плохо. Скажи, умирать страшно?

Вместо ответа единорог осторожно коснулся носом холодной руки человека, существо, обреченное на вечную жизнь, ничего не знало о смерти. Ничего, кроме запаха гниющих лилий, что пожирает все другие ароматы, и серебристых звездочек в глазах. Звездочки – верный признак смерти. Друг скоро уйдет, сгинет, как лед, тугие почки, аромат цветущей липы и желтый лист на тропинке.

– Я очень боюсь умирать. А еще... Ты только не сердись, ладно? Я бы... Я бы все отдал, чтобы прокатиться хотя бы раз... Один-единственный разочек... Но мне не разрешат. На лошади не разрешили, а в тебя родители вообще не верят.

Единорог положил голову на подоконник. Он был бы рад прокатить своего друга по осеннему лесу, где звенит очищенный первым морозом воздух, ветер срывает красно-желтое убранство, обнажая склизкие серые ветви, и капельки запоздалой росы из последних сил цепляются за серые канатики паутины... Единорог охотно подарил бы все это и даже больше, но человек никогда не покидал своего жилища, а зверь боялся войти внутрь.

– Ты придешь завтра?

Единорог кивнул. Он придет. И завтра, и послезавтра, и будет приходиться до тех пор, пока будет нужен маленькому другу, и, как знать, возможно, однажды Мальчик решиться выйти наружу и тогда... Некоторые мечты очень просто исполнить, всего-то и нужно, что убрать стену из мертвого камня.

– Ты приходи, ладно? Я ждать буду! – ребенок протянул половинку зеленого яблока. – Бери, бери, я завтра еще дам, ты только приходи.

– Какая грустная сказка! – Теперь мокрая чернота за окном обрела привкус чужого одиночества. Н'гаи-Кутуми лежала, свернувшись пушистым клубком, и зевала. Она казалась совершенно равнодушной, будто не имела ровным счетом никакого отношения к сказке.

– Тот мальчик, он выздоровел? И прокатился верхом на единороге?

– Не знаю.

– Знаешь. Это ведь твоя сказка, значит, ты обязана знать, чем она закончится.

– А если она не закончится? – Н'гаи заглянула мне в глаза. Два зеленых уголька и две узкие вертикальные черты. У кошек зрачки похожи на черточки, а еще в них ничего не отражается. Это очень странно: видеть глаза, в которых ничего не отражается.

– Давай подумаем вместе: ты не способна представить, что мальчик умрет. Ты любишь сказки со счастливым концом...

– А кто их не любит?

Н'гаи-Кутуми не ответила на вопрос, она его попросту не услышала.

– Теперь представь, что мальчик выздоровеет. Это счастливый конец?

– Да.

Я сидела на кровати, закутавшись в плед, и беседовала с кошкой. Наверное, это очень странно. Впрочем, не более странно, чем наш разговор.

– Мальчик выздоровеет, вырастет, выйдет на улицу, найдет себе друзей, настоящих друзей, таких, которых можно пригласить в дом. Или играть в футбол, или лазить по деревьям, купаться в реке, ходить в школу и назад, со школы, курить сигареты тайком от родителей, и обсуждать у кого из девочек юбка короче. Будет ли в этой жизни место для единорога?

– Будет, – не слишком уверенно ответила я, – они ведь друзья.

– Они были друзьями: одинокий зверь и одинокий мальчик. Именно одиночество держит их вместе. А теперь представь взрослого Мальчика, у которого есть работа, машина – не понимаю, почему люди так носятся с этими холодными железяками – дети и целая куча проблем. Разве вспомнит он о том, как когда-то прятал яблоко для странного зверя, которого никто больше не видел? Но единорог умрет гораздо раньше, в тот момент, когда перестанет быть нужен. Так не лучше ли оставить сказку одинаково счастливой для обоих? Год, два, три, десять. Мальчик будет ждать единорога, а единорог будет приходить к мальчику. Они нужны друг другу и оба счастливы. Зачем же делать выбор в пользу кого-то одного?

– Ты жестокая.

Н'гаи-Кутуми зажмурилась и зеленые угольки глаз погасли.

Ночью мне снился единорог: снежно-белый зверь с ласковым взглядом лиловых глаз. Ночью я поняла, что стала немножечко другой. Немножечко более сумасшедшей, чем раньше.

2

В кошачьих глазах отражается осень. Желто-зеленая радужка – листья и ослепительно-яркий, солнечный свет, прощальный подарок сентября – и узкий черный зрачок, в котором непостижимым образом умещаются ночи, холод и ожидание весны.

Я рисую. Сегодня впервые за долгое время достала альбом, кисти и краски. Они пахнут льняным маслом и еще немножко растворителем. Н'гаи-Кутуми наблюдает, а я рисую розовую кошку на желтой луне. Смешное занятие для взрослого человека. Вот если бы у меня был талант и специальное образование... а так... бесполезная трата времени.

Но мне нравится.

– Расскажи что-нибудь, – попросила я Н'гаи.

– Сказку?

– Можно и сказку.

– О чем?

– О чем угодно, – рисованная кошка жмурилась и выглядела совершенно счастливой. Совсем как я.

– Розовых кошек не бывает, – уверенно заявила Н'гаи, – вы, люди, вечно стремитесь к тому, чего нет. Взять хотя бы одного моего знакомого...

Сколько он себя помнил, он всегда мечтал о полете. В детстве родители улыбались и шутили: дескать, вырастет, непременно станет летчиком. А он не хотел летчиком, ему казалось, будто самолеты уродуют небо железными крыльями, рвут облака лопастями пропеллеров и травят их бензиновой гарью. Мама говорила:

– Посмотри, вон там, высоко, видишь, самолет летит?

Он не видел самолет, он видел белый уродливый шрам на чистом лице неба. Правда, следы-шрамы исчезали быстро, но ему все равно казалось, что небо не любит самолеты.

Другое дело полететь самому. Оседлав ветер, подняться высоко-высоко, нарвать букет звезд и рухнуть вниз, ощущая, как сладко замирает сердце от страха и восторга... Он даже чувствовал, как дрожат от натуги невидимые крылья, и поет воздух.

Но родители лишь смеялись. И сверстники смеялись тоже. Сверстники мечтали о космосе и десанте, чуть позже – о престижном ВУЗе, компе и мобильнике круче, чем у соседа. Еще позже – о деньгах, особняках на Рублевке и о том, как обойти коллегу по работе или съездить в отпуск за счет фирмы.

А он по-прежнему мечтал о небе.

Он пробовал летать, так, как летают все люди – в железной коробке, оснащенной двигателем и кучей приборов – но быстро устал. Приборы требовали постоянного внимания, а стены кабины мешали чувствовать небо, и тогда он ушел.

– Сумасшедший, – сказали родители.

– Идиот, – сказала жена и тоже ушла.

Тогда он решил исправиться и начал мечтать о деньгах и том, как построить на Рублевке дом и вернуть жену. Но эти мечты были какие-то неудобные, точно украденные башмаки, а небо, небо возвращалось во снах, манило полетом, ветром и букетами из звезд.

Однажды он их нарисовал, звезды, собранные в колючий букет, тонкие стебельки, хрупкие, как первый октябрьский лед, и длинные, острые лепестки. Простой карандашный рисунок занял целый тетрадный лист и очень понравился Анечке, соседской девчонке, которая иногда приходила послушать «про небо». Анечка принесла альбом и краски...

Спустя неделю он купил несколько готовых холстов, краски, палитру и много-много кисточек – он не знал, какие понадобятся, и на всякий случай приобрел штук двадцать. Он рисовал все, что помнил: тучные стада кучевых облаков и тонкие седые нити перистых, букеты звезд и жестокие самолеты, рвущие нежное полотно небосвода, оседланный ветер и крылья, которых у него никогда не было.

Он не помнил, кто и когда впервые купил его картину. Он не понимал, что люди вообще находят в этих картинах, ибо ему самому они казались несовершенными, тусклыми, лишенными жизни подобиями настоящего неба, и всякий раз, дописывая очередное полотно, он остро осознавал собственную беспомощность, но продолжал надеяться. Когда-нибудь он смекает краски так, что на холсте поселится теплая, полупрозрачная синева с легкими пушинками облаков, рыжее солнце и тающий цветок последней звезды...

Когда-нибудь...

Невидимые крылья за спиной с готовностью тянулись к небу.

Н'гаи-Кутуми замолчала. Странная история, непонятная и загадочная, как недописанная картина.

– И чем все закончилось? – Я подарила желтой луне подружку, теперь над белыми горами плыли две луны и одна розовая кошка. Симпатично получилось. – Он стал богатым, знаменитым и умер в почете и славе?

– Стал. Богатым и знаменитым. А однажды он забрался на крышу двенадцатиэтажного дома и прыгнул вниз.

– Наверное, решил, что та самая, заветная, картина написана и у него получится полететь...

– Нет. Он понял, что никогда ее не напишет, и решил не мучиться. Наверное, все-таки он был немного сумасшедшим. Все мечтатели немного сумасшедшие.

3

Осень сменилась зимой. В городе зима неправильная, раздавленная черными шинами автомобилей, растоптанная острыми каблуками женских сапожек и ребристыми подошвами мужских туфель. В городе зима пахнет бензином и духами, а напуганный светом фонарей снег робко блестит, тянется к звездам и грезит о том, что однажды завоюет все это дикое, полное света, тепла и грязи, пространство.

Н'гаи-Кутуми понравилось сидеть на балконе, наблюдая за тем, как редкие снежинки борются с ветром, не желая падать на грязную землю. Н'гаи-Кутуми часами могла наблюдать за диловинным танцем и думать о чем-то своем, кошачьем. У кошек вообще очень странные мысли.

Зимой тоскливо, и однажды, долгим черным вечером, я снова попросила:

– Расскажи мне сказку.

Н'гаи лишь улыбнулась:

– Потом снова скажешь, что я жестока.

– Все равно, расскажи.

– Хорошо, но помни, ты сама попросила.

Принцесса была такой, как и положено сказочной принцессе – милой и доброй, немножко вздорной и самую капельку самоуверенной.

– Ах, какое у нее платье, – шептались фрейлины, и Принцесса замедляла шаг, чтобы они смогли вдосталь полюбоваться невесомым кружевом, привезенным с Севера, розовым жемчугом, похожим на капельки росы, и изящной вышивкой по подолу. Сто белошвеек трудились ночь напролет, чтобы порадовать юную госпожу удивительным узором из золотокрылых бабочек и серебряных цветов...

– Ах, какой у нее шаг! – восхищенно выдохнул Придворный Поэт и, пользуясь случаем, зачитал очередную оду в честь Принцессы. Ода была длинная и скучная, но девушка слушала ее внимательно, а придворные тут же отметили замечательные манеры юной правительницы. И лишь старый Астролог укоризненно покачал головой, ибо считал, что незаслуженная похвала портит не только детей, но и взрослых, а Принцесса ведь еще ребенок, только-только пятнадцать исполнилось. Но мнение заносчивого и нелюдимого Астролога давным-давно никого не интересовало.

– Ваше высочество, – мажордом почтительно поклонился, – к вам гости!

– Мама? Отец? – Поинтересовалась Принцесса. В ее дворец так редко приезжали гости. Король был слишком занят государственными делами, а мама не смела приезжать одна. Принцесса же никогда в жизни не покидала стен Замка. Так было заведено с самого ее рождения, и Принцесса не смела нарушить установленный распорядок. Она была очень послушной девочкой.

– Ваш жених, принц Вильгельм!

– Ох... – дружный вздох прокатился по залу. Фрейлины бестолково заметались, Придворный поэт, чья тонкая натура не выдерживала подобных потрясений, воспользовался удобным случаем, чтобы упасть в обморок, и лишь Астролог задумчиво покачал головой. Он не любил суматохи и неожиданных визитов.

– Ваше высочество, вам срочно нужно переодеться...

– Ваше высочество, вам срочно нужно сделать новую прическу...

– Ваше высочество, вам срочно нужно...

– Ваше высочество... – Передразнил старшую фрейлину зеленый попугай, разбуженный суетой.

– Тихо! – придворные замолчали, даже попугай захлопнул желтый крючковатый клюв, хотя утихомирить буйную птицу было очень непросто. – Скажите принцу, что я с удовольствием приму его спустя... Час... В Розовом зале...

– Ну, разве она не чудо? – восхитилась Матильда, и остальные придворные дамы не замедлили согласиться, в своем новом платье из белого шелка Принцесса выглядела прелестно. Крошечные звездочки алмазов, украшавших чудесный наряд, загадочно мерцали, из-за этого девушка казалась неестественно-хрупкой, почти невесомой...

– Я понравлюсь ему? – спросила Принцесса сама себя, и сама же себе ответила, – Обязательно понравлюсь. Я всем нравлюсь.

Правда, в ее маленьком дворце было не так много людей, но все как один уверяли, что Принцесса – прекрасна, а Придворный так и вовсе сравнивал ее с солнцем и звездами.

Она немножко волновалась, Вильгельм на портрете выглядел таким мужественным и пугающе-суровым. Принц с картины хмурился и с воистину королевским достоинством восседал на спине огромного черного коня, а за его спиной кипела битва... Наверное, он очень храбрый. И красивый. Хорошо, что отец выбрал в женихи именно Вильгельма.

– Я обязательно понравлюсь ему! – уже увереннее повторила Принцесса. Мажордом распахнул дверь и объявил... Девушка почти не слышала слов, она не могла оторвать взгляд от человека, уверенно ступившего на бледно-розовый ковер, который разослали специально в честь высокого гостя.

А он и в самом деле был высок. И красив. Почти как на портрете. Даже лучше, решила Принцесса. В голубых глазах Вильгельма ей чудилось суровое северное небо, в желтых, точно солнечный луч, волосах – напоминание о Родине, которую ей предстоит покинуть. Он ведь приехал, чтобы забрать ее в свою далекую чудесную страну... Они обязательно полюбят друг друга... Она уже его любит.

На полпути к трону – а принцессам положено принимать гостей, сидя на троне, – Вильгельм остановился. По залу пронесся приглушенный шепот, и Придворный поэт громко ахнул, поскольку еще не решил, как поступить – потерять сознание или сочинить новую поэму в честь влюбленных.

– Добрый день, милый Вильгельм, ваш визит переполняет наше сердце радостью. – Принцесса поднялась, решив, что не слишком нарушит этикет, если сделает несколько шагов навстречу гостю. Должно быть, принц взволнован встречей, или восхищен красотой нареченной, потому и смотрит так... Странно... В этом взгляде не было ни капли нежности, но девушка заставила себя улыбнуться: просто Вильгельм, как все воины, прячет чувства. Принцесса протянула руку для поцелуя, но жених не шелохнулся.

– Что с вами? Неужели, красота этого места заставила вас потерять дар речи? – Шутка, столкнувшись с враждебным молчанием принца, разлетелась на куски. Девушка растерянно оглянулась, но придворные, словно сговорившись, прятали глаза, а одна фрейлина даже веером закрылась, лишь бы не смотреть на повелительницу.

– Уберите от меня это чудовище. – Голос Вильгельма ударил, а слова убили, даже дамы на старинных гобеленах испуганно встрепенулись, будто опасаясь, что гнев чужеземца падет на их головы.

– Вы о ком? – Чтобы не заплакать, Принцесса вцепилась в нежную ткань платья, и тут же оцарапала палец об один из алмазов.

– Я привез тебе подходящий подарок, – с легким поклоном принц протянул деревянную шкатулку. Внутри лежало маленькое озеро, совсем как то, что раскинулось под окнами ее опочивальни. Но Принцессе строго запрещалось даже близко подходить к тому озеру, а это, выглядело маленьким и безопасным. Девушка осторожно взяла странный предмет в руки.

– Это зеркало, – подсказал Вильгельм.

– Зачем оно?

– Чтобы видеть себя.

– Какая удивительная вещь! – Принцесса поднесла озеро по имени Зеркало к своему лицу... Из серебряной глубины на нее печально смотрело черноволосое чудовище...

– Ужасно! – Заорал зеленый попугай, гневно хлопая крыльями.

Вильгельм отвернулся, а девушка почувствовала, как где-то глубоко внутри рождается боль.

Она не помнила, как принц уехал, не помнила, как заботливые фрейлины отвели ее в покои, как седовласый мудрый Астролог приготовил горький напиток из одному ему известных трав и как огонь, сжигавший ее тело, отступил перед волшебным зельем. Девушка просто

узнала, что проболела десять дней, и Вильгельм, воспользовавшись отговоркой о слабом здоровье невесты, расторг помолвку.

– Почему так? – Принцесса теперь часто плакала, и даже карлик-шут, придворный любимец, не мог рассмешить ее.

– Вы болели, ваше высочество, – вежливо ответил Астролог. – Оспа украла ваше лицо, но оставила жизнь.

– Я уродлива...

– Не вы уродливы, – Старый Астролог был печален, – это Вильгельм – слеп.

За окном слабыми бабочками трепетали звезды.

– Почему у тебя такие печальные сказки?

– Потому что жизнь такая, – ответила Н'гаи-Кутуми.

– Мне жаль принцессу.

– Почему?

– Ее сердце разбито.

– Подумаешь, – фыркнула Н'гаи, – избавилась от гордого самовлюбленного дурака, который к тому же плохо воспитан. Сказать бедной девушке, что она уродлива... Да, потерю такого жениха стоит оплакивать. Скорее стоит пожалеть именно его. Он всю жизнь бродит среди условностей и принципов. Если принцесса – то обязательно красивая. Если кошка – то породистая. Правильная. Если неправильная – тогда прочь. Такие люди не умеют быть счастливыми, они всю жизнь мучаются, пытаются понять: достойны ли те, кто рядом, их любви. Оценивают, сравнивают и меняют... Тяжело так жить.

– Все равно. – Мне упорно не хотелось жалеть принца. – Слишком печальная сказка.

– Вот именно, что сказка, – Н'гаи-Кутуми мурлыкнула, – в жизни все было бы иначе. Принц, невзирая на все недостатки, женился бы на принцессе из политических соображений. Принцесса всю жизнь страдала бы, сравнивая себя с любовницами принца, а он, став королем, совершенно перестал бы стесняться своих походов, но тоже страдал бы, потому что внешность супруги не соответствовала бы высокому статусу королевы. Вы, люди, слишком сложно живете.

Пожалуй, в чем-то Н'гаи-Кутуми была права, только засыпала я на этот раз с трудом.

4

Н'гаи-Кутуми любит смотреть в окно, особенно ночью, когда живущая за стеклом темнота делает наш мир чуть более сказочным, чем он есть на самом деле. Н'гаи говорит, что ночь – другое время, не для людей, для кошек. Но сразу же добавляет, что все женщины – немного кошки. Я верю и изо всех сил всматриваюсь в нервные тени, пытаюсь увидеть то же, что и Н'гаи.

– Луна – это кусок сыра, – мурлычет кошка, и тут же на бледно-золотом шаре луны появляются тени-дыры. – В сыре живет мышь, которая каждую ночь отгрызает кусок, и поэтому сыра становится все меньше и меньше, а потом он совсем исчезает.

– И появляется опять.

– Ну это же лунный сыр, – улыбается Н'гаи, и я улыбаюсь в ответ.

– Расскажи сказку.

– О чем?

– О чем-нибудь.

– Хорошо, но помни, ты сама просила об этом.

Ромашка появилась в розарии случайно: то ли садовник поленился лезть в колючие кусты роз за сорняком, то ли побоялся потревожить покой капризных красавиц, то ли просто не заме-

тил пришлицу. Самой же Ромашке нравилось думать, что Садовник счел ее достойной благородного общества. Конечно же, Ромашка понимала, что никогда не сравнится даже с самой блеклой из Роз, она и не пыталась, она просто росла, пробивалась к свету, расправляла нежные листочки и мечтала о дне, когда Зацветет.

С этим волшебным словом были связаны все ее надежды. Вот однажды она проснется и... И госпожа Аэлита, первая из красавиц, воскликнет:

– Посмотрите на Ромашку! А она, оказывается, симпатичная.

– В самом деле, – поддержит подругу Сирена, – очень симпатичная.

И тогда прочие обитательницы розария согласятся, что Ромашка на самом деле мила, а старый Терновник, которого держат исключительно из милости, снова начнет ворчать, что все это не к добру.

И может быть... нет, конечно, это будет настоящим чудом, в которое Ромашка не осмеливалась поверить, но в глубине души очень на него надеялась... так вот, может быть, ее сочтут достойной и выделят место на клумбе, где-нибудь с самого краешка, между Цецилией и Вероникой.

У всех роз были очень красивые имена, а сами Розы старались им соответствовать.

Госпожа Аэлита блистала царственным багрянцем, Сирена радовала глаз белизной, а лепестки Цецилии были цвета утренней зари. Ромашка однажды слышала, как Садовник кому-то сказал, что на будущий год Цецилию нужно пересадить в другое, более удобное место. После этих слов Цецилия ужасно возгордилась и два дня ни с кем не разговаривала – боялась уронить достоинство, а старый Терновник пробурчал, что она просто дура. Конечно же, из зависти, Терновник колючий и некрасивый, потому и ворчит постоянно.

А Ромашка терпеливо ждала своего часа, она знала, что будет красивой, пусть не такой красивой, как Розы, но все же... И вот однажды утром, очнувшись ото сна, она вдруг поняла – свершилось. Это было очень странное ощущение, душа трепетала от счастья и волнения, хотелось закричать, обратить на себя внимание, но Ромашка терпеливо ждала. Ее обязательно заметят, просто... просто Розы пока заняты, вот и не видят, как она изменилась за ночь.

– Ах, сегодня чересчур жарко, – вздохнула Аэлита, – пусть кто-нибудь выключит это солнце... Мои лепестки чернеют...

– Ужасно, ужасно, – закивала Сирена, – просто дышать нечем.

– А я вот-вот упаду в обморок, – прошептала Цецилия. Она считала, что благородные дамы должны разговаривать шепотом, и старалась соответствовать.

– Радуйтесь, убогие, – пробурчал из своего угла Терновник, – когда еще солнце увидите. Вон, взяли бы пример с Ромашки, она аж зацвела от счастья.

Ромашка, почувствовав удивленные взгляды, жутко смутилась, вот сейчас... случится... сейчас госпожа Аэлита ахнет от удивления и скажет...

– Какое убожество! Вы только посмотрите на эти лепестки, не лепестки, а настоящие лохмотья.

– Желтая серединка – это так пошло, – поддержала подругу Сирена, она вообще не любила желтый цвет, считая, что приличная Роза должна быть либо красной, либо белой, на худой конец, розовой, ну уж никак не желтой.

– И мелкие такие, – едва слышно прошелестела Цецилия, – неужели кому-то это нравится? Не понимаю.

– А запах, запах... фи. – Вероника поспешно отвернулась, демонстрируя, сколь оскорбителен для нее аромат Ромашки.

В эту минуту Ромашка отчетливо поняла, что умрет, они все отвернутся, а она умрет, потому что жить дальше невозможно. Да и как она вообще смела надеяться, смела равняться с Розами! Листья дрожали от обиды, а тонкие лепестки сворачивались в тугие бутоны. Ромашке

было стыдно за собственную убогость, за мелкие цветы с желтой серединкой, за простоватый запах, и за то, что она вообще дерзнула прорасти в розарии.

– Дуры вы, – фыркнул Терновник, – зато она настоящая.

Но никто не обратил внимания на его слова. Да и подумаешь, какая-то Ромашка... Вот небывалая жара – это новость, а Ромашка – так, эпизод.

В долгой жизни розария было много эпизодов, все и не упомнить...

Н'гаи-Кутуми замолчала.

– А что стало с Ромашкой?

– Не знаю. Может быть, засохла от стыда, может, садовник, наконец, заметил сорняк и выдрал с корнем, а может, продолжала расти, жутко страдая от комплекса неполноценности. Цветы, они странные, почти такие же странные, как и люди. – Н'гаи легонько тронула лапой стекло. – Лучше смотри, как мышь грызет лунный сыр. Когда-нибудь я обязательно поймаю ее.

– Тогда обязательно спроси, каков сыр на вкус.

Н'гаи-Кутуми фыркнула, наверное, ей совершенно не интересен был вкус лунного сыра. Кошки вообще не любят сыр. Мы еще долго смотрели в окно, а я все думала о Ромашке...

5

Зима началась с хрупких снежинок и тонкой пленки льда на дворовых лужах, пушистого беззвездного неба и желтого фонаря во дворе.

– Как если бы солнце на цепь посадили, – заметила Н'гаи. – Вы, люди, вообще любите все привязывать. А знаешь почему?

– Почему? – послушно спросила я.

– Потому, что не умеете верить и боитесь, что тот, кому вы поверили, обманет. Привязать, это ведь надежнее. Хочешь, сказку расскажу?

– Давай.

Однажды в грозу одна из Молний, заблудившись на земле, забыла дорогу домой. И имя свое забыла, и вообще все, что было раньше. Просто наступило утро, и Она поняла, что существует, вот так, сама по себе.

– Здравствуй, – сказала Она и удивилась, что умеет говорить. Но потом подумала и решила, что, наверное, так и надо. Говорить ей понравилось.

– Здравствуй, здравствуй, здравствуй... – она здоровалась со всеми, кого видела. И с ручьем, и с травой, и с желтой в черную крапинку божьей коровкой, которая, вместо того, чтобы ответить, улетела. Впрочем, Она не обиделась: не умела.

– Здравствуй, – сказала Она человеку, и тот ответил. То же слово, а голос другой. Ей понравился и голос, и человек, она хотела разговаривать с ним, но не знала, о чем. И тогда Человек сам задал вопрос:

– Как тебя зовут?

– Не знаю... не помню. А это важно?

– У каждого предмета должно быть название, – строго ответил Человек, – а у существа имя.

Это было разумно, и Она удивилась, как сама не додумалась до вещи столь очевидной.

– Я буду называть тебя Огонек, – сказал Человек и протянул руку. – У тебя волосы цвета огня и ты мне нравишься.

– Ты мне тоже. О-го-нек... Красиво.

– Пойдем со мной, – предложил Человек, и Она согласилась. Идти и разговаривать было весело, Человек знал очень много всяких интересных вещей, он был очень умным, и Огонек все никак не могла понять, как столько знаний уместилось в одном Человеке.

– Это мой дом. Ты тоже можешь жить в нем, если захочешь, конечно.

– Хочу, – ответила Огонек, которая никогда прежде не видела столь чудесных домов. Впрочем, она вообще никаких домов не видела, а если и видела, то забыла.

– Но тогда тебе придется оставить крылья на пороге.

– Крылья? – Она повернула голову и действительно увидела крылья, легкие, полупрозрачные и очень красивые, оставлять их было безумно жаль, и Огонек осмелилась задать вопрос Человеку, он ведь такой умный и все-все знает.

– А почему я не могу жить там с крыльями?

– Потому, что они будут мешать. Да и зачем тебе крылья, когда есть я.

Н'гаи-Кутуми зевнула и отвернулась от окна. Ну вот, очередная незаконченная сказка.

– А дальше?

– Дальше... ну, она послушалась, оставила крылья на пороге, и Человек их спрятал, потому что на самом деле знал, откуда появилась Огонек, и очень боялся, что когда-нибудь она улетит на небо. А она обнаружила, что изнутри дом совсем не такой красивый, как снаружи, пыльный и тесный, и еще постоянно вспоминала об утраченных крыльях и пыталась понять, чем же они помешали бы. А когда в доме совсем душно, она погасла.

– Почему?

– Ну потому, что огонь не может существовать без воздуха, – фыркнула Н'гаи. – Это даже кошки знают.

6

Снег белым мушиным роем вьется вокруг фонаря, наблюдать за ним странно и немного жутко. Ветер призрачной кошкой трется о стекло, оно дребезжит и отпечатки моих ладоней медленно зарастают холодом.

– Завтра будет холодно, – Н'гаи-Кутуми калачиком свернулась на батарее. – Ненавижу холод.

Жмурится, и длинные усы раздраженно подрагивают.

– Расскажи что-нибудь...

Вздыхает... наверное, нет настроения, но в просьбе не откажет. На самом деле Н'гаи любит рассказывать истории, а я люблю слушать. Даже ветер за окном притих, вслушиваясь в уютное мурлыканье.

Всего день жизни... целый день для нее одной. Лохматое облако отпустило на волю, теперь расправить ледяные крылья и вниз, к земле. Жемчужно-перламутровое утро встречает холодом, мерзлое солнце расцвечивает наряд сотней огоньков, почти бриллианты... она слышала, про бриллианты, но не знала, что это такое. Да и какая разница.

Ветер дружелюбно подхватил на руки, закружил, завертел и, наигравшись, осторожно посадил на обледеневший подоконник.

– Бывай, Снежинка...

Она не ответила, не хватало еще с ветром разговаривать, он ведь такой... ветреный. Впереди целый мир, столько всего нужно увидеть... белые цветы на стекле величественно-прекрасны, а в прозрачных колоннах сосулк отражается солнечный свет. И она сама, вместе с ажурными крыльями и любопытством в глазах. На себя она смотрела недолго, мир вокруг гораздо интереснее.

– Еще одна, – раздраженно чирикнул Воробей. – Когда это закончится? Падаете и падаете, падаете и падаете... спасу нет.

Ей стало немного стыдно за то, что она мешает воробью, и расправив крылья, снежинка соскользнула вниз, прямо на зеленую еловую лапку. Уютно пахло хвоей и Снежинка долго сидела на иголке, свесив ноги и любуясь небом, солнцем и ледяными чешуйками на темной коре. Потом ей надоело просто смотреть, время шло и... страшно было подумать, что мир вокруг может когда-нибудь закончиться.

Она долго летала, иногда поднимаясь высоко-высоко, так, что земля бело-зеленым шаром ускользала вниз, но потом крылья уставали, и Снежинке приходилось тратить драгоценное время на отдых. Столько всего хотелось посмотреть...

– Все равно не успеешь! – Каркнула Ворона. – Завтра оттепель, зря ты сюда прилетела, возвращайся домой.

– Домой? – Снежинка еще раз посмотрела на небо, пытаясь понять, какая из этих туч – ее дом. Снизу они выглядели такими чужими... да и сил не хватит подняться.

– Домой, домой, глупая Снежинка. Весна уже. Тепло. Солнце.

– Солнце доброе, – возразила Снежинка. – Смотри.

Она расправила крылья, показывая Вороне, как ярко они сверкают, но та не захотела смотреть и отвернулась. Жаль. Снежинке интересно было бы поговорить, одной немного скучно. Поэтому она продолжала сидеть и ждать – а вдруг Ворона передумает и скажет еще что-нибудь, она же давно живет... несколько дней... или даже недель, много видела, мудрая птица.

– Ох и глупые же вы, – пробурчала мудрая птица. – Летите, а куда и зачем? И неужто тебя не предупреждали, что завтра тепло будет?

– Предупреждали, – призналась Снежинка, – и не хотели отпускать, но ведь день – это очень много...

– Год – это много, а день... ерунда. Год – это весна, лето, осень и зима. Весной я возвращаюсь в город, а зимой лучше на свалке, там теплее...

Ворона рассказывала очень странные и интересные вещи, Снежинка не совсем понимала, что такое свалка и город, и почему теплее, значит лучше, но слушала... и заснула.

– А потом? – Вот что меня всегда раздражало, так это привычка Н'гаи обрывать повествование в самых интересных местах.

– Потом наступила весна и Снежинка растаяла, ледяные крылья – хрупкая вещь. – Н'гаи-Кутуми потянулась и, коснувшись стекла, поспешно одернула лапу. – Каждому свое, кому-то час, кому-то год... кому-то полет, кому-то город или свалка, кто знает, что лучше.

– В этом смысл?

– Смысл? – Н'гаи-Кутуми презрительно фыркнула. – Какой смысл в сказке?

Ветер завыл с новой силой, отгоняя от окна белый рой любопытных снежинок... жаль, хотелось бы посмотреть, как блестят на солнце ледяные крылья.

7

Из разорванного пакета по скатерти растекалось белое кефирное море, и Н'гаи медленно отступала, умудряясь выглядеть при этом ну совершенно непричастной к случившемуся.

– Это не я! – Хвост нервно дернулся. – Это случайно получилось! И вообще я кефир не люблю...

Не любит, точно знаю, что не любит, как и то, что Н'гаи опрокинула пакет, а теперь сидит на краю стола и наблюдает, как медленно скатываются вниз кефирные капли.

– Ну не злись, хочешь, я сказку расскажу? – и не дожидаясь согласия, начинает:

Из окна башни было видно море. Иногда серо-лиловое, словно мотки шелковых нитей, что лежали в ее корзинке с рукодельем, иногда бархатно-синее, но чаще нежно-зеленое, мягкое. А небо белое. Или голубое. Или тоже лиловое. Оттенков много, и ей нравилось, сидя на широком подоконнике, выискивать все новые и новые, это как бисер для вышивки подбирать, правда, вышивать она не любила, ну совершенно. Нитки постоянно путались, иглы кололи пальцы и терялись, а пальцы норовили раскрыться, отчего натянутая ткань моментально шла складками, и стежки получались кривыми. Ну кто сказал, что раз принцесса и в башне, то обязательно рукодельница?

Ветер швырнул в раскрытое окно горсть мелких капель, то ли морская вода, то ли дождь, но на белом атласе платья моментально расцвели некрасивые мокрые пятна. Следовало бы закрыть окно или пересесть с подоконника поближе к камину... у камина и теплее, и уютнее, но принято, чтобы принцесса ждала спасителя у раскрытого окна. И рукодельничая.

Наперсток, соскользнув с пальца, рухнул вниз, и принцесса поежилась, представив, что будет если и она... случайно... например, как в ту ночь, когда буря была, и небо дрожало от молний, а залетевший в комнату ветер норовил столкнуться с подоконника.

Кто сказал, что ждать просто?

Скучно. Иногда страшно. И очень одиноко. Поначалу она даже плакала и стыдилась собственных слез, потому что те, кто ждал до нее, наверняка, не думали о всяких пустяках, вроде собственного одиночества. И теней, что ночью наполняют комнату странным подобием жизни, не боялись, и ветра, и вышивать, конечно же, умели.

Внизу море сверкнуло осколком стекла... как витраж в ее старой комнате, где красные рыбки и зеленые полосы водорослей. Отсюда, с башни, не разглядеть ни водорослей, ни рыб... ничего.

Ничего не должно отвлекать принцессу от ожидания. Разве что вышивка, бусинка к бусинке, на тонкую нить, на жесткую ткань, по расчерченному кем-то узору. Вышвырнуть бы... в окно, и платье это дурацкое тоже, ей совершенно не идет белый цвет, и ждать она не умеет... стыдно.

А нитки снова запутались, сплелись в легковесный разноцветный комок, совсем как тот, которым птиц ловят. И она тоже, как птица, в башне этой, по вычерченному узору... нелепому обычаю... дожждаться спасителя, того, у кого смелости хватит... и ведь все же знают, что не придет никто... а если и придет, то не станет рисковать жизнью, чтобы вызволить из заточенья... еще год-другой и совет, решив, что старинный обычай исполнен, даст согласие на заключение династического брака... нужно лишь подождать. Снова подождать.

А рыцари... их не бывает... сказка для влюбливых принцесс... чтобы было легче ждать.

Ветер, забравшись в комнату, толкнул склянку с бисером, разноцветные стеклянные капли дождем посыпались вниз, добавляя переменчивому морю еще немного красок.

Н'гаи замолчала и, спрыгнув со стола, осторожно потрогала кефирное пятно на полу.

– Ну и о чем эта сказка?

– О принцессе. Об ожидании. О глупых обычаях и вычерченных кем-то узорах... – Н'гаи с задумчивым видом облизала лапу. – Нет, все-таки кефир – это гадость. Как ты его пьешь?

– Не знаю... привычка такая.

Н'гаи понимающе мурлыкнула и удалилась, предоставляя мне возможность убраться. Привычка... правило, обычай... а действительно, почему я кефир пью? Ведь не люблю же.

Н'гаи-Кутуми лежала на постели, свернулась пушистым клубком и мурлыкала что-то себе под нос. За окном молодой зеленью закипала весна, наломать бы влажно-желтых ивовых

веток с мягкими серыми пуховками соцветий и, поставив в вазу, долго-долго наблюдать за тем, как распускаются нежные листья, распрямляются, растягиваются, наливаясь призрачной силой воды и... умирают.

Не знаю, раньше мне не было больно смотреть на то, как умирают букеты, не важно какие: пышные розы, фарфоровые каллы, шелковые ирисы или те же весенние котики. Привяли, усохли, потеряли былой вид – в мусорное ведро и не думать...

– Люди вообще редко думают о неприятном, – заметила Н'гаи, приоткрывая зеленый глаз. – Вы любите мгновенья, тогда как сложенное из них время пугает. Вы любите правду, но предпочитаете говорить о ней, а не ее... правда, иногда случается, что между правдой и неправдой разницы нет. Хочешь историю?

Пожалуй, да. Вечер сегодня такой, подходящий для странных кошачьих сказок.

Наверное, она оказалась здесь случайно, слишком уж нелепо выглядел ангел, бредущий по проселочной дороге. Полустертой позолотой на белых перьях пыль, полутряпкой-полусава-ном короткое платье, босые ноги и растрепанные волосы. И в противовес две вдавленные в жесткую землю колеи, кое-где приукрашенные серо-зелеными травяными проплешинами, а по бокам – зеленые стены кукурузного поля. Солнце в зените, пышет теплом, переплавляя воздух в раскаленное марево, дышать которым невозможно.

Наверное, я брежу... ангелов не бывает, тем более на сельских дорогах. Но идти одному тоскливо и, догнав ангела, я поздоровался:

– Привет.

– Добрый день, – вежливо ответила она, вытирая пот со лба. Лицо обыкновенное, мило-видное, доброе... на Машку из Курчатовки похожа, правда, у Машки глаза зеленющие, кошачье-стервозные, а у этой – бледно-голубые, ну точно вода речная. А о чем дальше-то говорить?

– Жарко сегодня...

– Очень. – Улыбается, а между передними зубами щербинка. Разве ж у ангелов такие зубы бывают? И кожа вон покраснела, потом чесаться станет или и вовсе облезет... – Вы не подскажете, как пройти на небо?

– На небо? – Точно брежу... – Нет. Не знаю.

– Жаль, – она вздохнула, и сложенные за спиной крылья чуть вздрогнули... вот бы потрогать, по виду на гусиные похожи, только перья уж больно белые... наверное, неудобно ей вот так... и тяжело.

– Я вот заблудилась. Иду, иду, и все в никуда... – ангел всхлипнула и спешно вытерла слезу ладошкой, оставив на щеке грязно-песчаный след.

– А если взлететь?

– Думаете? – она обернулась и, чуть расправив крылья, посмотрела на них с явным удивлением. – Взлететь...

– Ну да, ангелы же летают.

Правда, ангелов я видел только на иконах, и были они не женского полу, но уж больно охота было поглядеть, как она летать станет. В конце концов, если уж бредить, то с размахом.

Некоторое время шли молча, ангел обдумывала мое предложение, я боролся с искушением выдрать перо на память.

– Знаете, по-моему, вы правы... должен же быть в крыльях какой-то смысл?

– Высший, – буркнул я, убирая руки в карманы подальше от искушения.

– Высший, – она рассмеялась. – Верно. Выше, не вперед, а вверх... подняться... мне самой следовало понять, но... спасибо вам огромное!

Поднявшись на цыпочки, ангел поцеловала меня в щеку...

Взлететь не удавалось, поначалу я остался из-за того же любопытства, ну и чтобы еще немного продлить бред столь замечательный ... потом... она подымалась, падала, разбивая локти и колени, и снова подымалась... натужно хлопали крылья, раздирая жестокий воздух, мертвой белизной падали перья... по блеклым дорожкам катились слезы, уже без стеснения и попытки утереть, на грязном платье-саване появлялись черные и красные пятна.

Черное – земля. Красное – кровь.

Мне было жаль ангела, я хотел помочь, но не знал как... я же просто человек и летать не умею. Вот перья подбирать могу, слезы вытирать и врать, что когда-нибудь у нее все выйдет, главное не сдаваться.

Наверное, из меня вышел плохой советчик... но крылья же были! И небо было! И солнце! И плачущий ангел, у которого почти не осталось сил взлететь. Еще немного и она умрет, а я буду виноват в том, что подсказал неверную дорогу... отступить?

Но тогда какой смысл в крыльях?

Высший.

И протянув ей флягу с остатками воды, я в сотый за сегодняшний день раз соврал:

– Давай, теперь у тебя получится, я верю, что непременно получится! Нужно лишь постараться!

Н'гаи замолчала и отвернулась, делает вид, что потеряла всякий интерес к моей особе. Знаю, ждет вопроса, и задаю:

– А дальше что было? Она взлетела?

– Может, да. Может, нет... – Н'гаи вытянулась на кровати и, вонзив когти в одеяло, принялась нервно царапать ткань. – С одной стороны, в крыльях определенно есть какой-то смысл, с другой, не у всех крылатых хватает сил, чтобы взлететь... впрочем, глупости все это... сказки... в жизни так не бывает.

– Чего не бывает?

– Ангелов, – наставительно заметила Н'гаи. – Тем более нелетающих. И людей, которые видят то, что не положено людям... спи, лучше.

9

Этот вечер неуловимо отличался от прочих, быть может, оттого, что сегодня мне было как-то особенно одиноко... нет, обычно тишина и отсутствие необходимости быть вежливой успокаивали, но сегодня... Глядя в окно на черное покрывало ночи я особенно остро ощущала пустоту своей квартиры.

– Вздор, – мякнула Н'гаи, запрыгивая на батарею. – Ты себе все придумала и теперь страдаешь. Вы, люди, вообще обладаете потрясающей способностью не замечать того, кто рядом с вами...

Ответить? А что? Не знаю, поэтому просто провожу рукой по шерсти, Н'гаи выгибает спину и отвечает благодарным мурлыканьем.

– Ну хочешь, я тебе сказку расскажу? Веселее станет.

– Привет!

– Добрый день, – она вежлива, впрочем, как обычно; подвигается, уступая место. Нынешнее облако маловато, но так даже лучше, ближе к ней, хотя знаю – ей не нравится, и поэтому сажусь на самом краю, хотя, признаться, бездна под ногами несколько нервирует.

– Как дела?

Вежливый вопрос, на который последует вежливый ответ. Мне плевать на слова, лишь бы голос слышать... слушать... вечно мог бы, но времени всего лишь до утра, заранее счи-

таю минуты, предвидя ненавистное «до свиданья». Свиданья случаются редко, а чтобы настоящее... и не мечтаю.

– Сегодня много работы, – говорит она, вытаскивая из ведра горсть жемчуга, на сей раз мелкий, речной, зато много... жемчужины норовят скатиться с ладони, и есть повод помочь, поймать застывшие капли света... прикоснуться к ее руке.

Теплая.

– Перестань, пожалуйста... – печальный взгляд и белые крылья испуганно жмутся к спине. Обидно. Неужели я когда-либо давал повод усомниться в своей порядочности? Отодвигаюсь, еще немного и вниз упаду... иногда начинает казаться, что лучше уж вниз, чем дальше терпеть это издевательство.

– Извини, – она осторожно касается крыла, и замираю, пытаюсь запомнить это ощущение тепла и нежности, пусть вынужденное, но все-таки...

– Я не хотела обидеть... просто... ну ты же понимаешь... работать надо.

Понимаю. Глупо надеяться на большее. Раздражаясь от глупых мыслей, запускаю руку в ведро.

– Разные, правда? – Она раскрывает ладонь, демонстрируя ровные круглые жемчужины. – Вера...

Нежно-белая, не столько камень, сколько капля света, застывшая по Его прихоти.

– Благословение... – нежно-золотая сфера.

– Любовь... А у тебя что? Покажи!

Мне стыдно, но отказать не смею, разжимаю кулак, демонстрируя...

– Фанатизм, – белый комочек извести.

– Проклятие, – кривобокий золотой уродец, отвратительный даже мне. – Ненависть...

– Почему? – в ее глазах читаю обиду и боль за изуродованные дары. Но я же не виноват, что все так... странно. Не дождавшись ответа, она бросает жемчуг вниз, и я свой мусор следом. Молчим. До самого рассвета молчим, и хочется выть от боли и бессилия... и от вопросов...

Зачем нас двое?

И почему ведро одно, а в результате... быть может дело не в содержимом, а в том, кто запускает руку, готовясь сделать подарок?

Рассвет наступает быстро, небо светлеет, раскрашивая ее крылья нежной акварелью синевы... а в ведре пусто, почти пусто.

– Держи, – она протягивает на ладони последнюю жемчужину, крошечная, чуть неровная поверхность отливает всеми цветами сразу. – Это тебе...

Краснеет, не жемчужина – ангел, смешно, совершенно по-человечьи заливается румянцем и, растерявшись, принимаю дар... пусть с крыльев слезет чешуя, если отдам кому-нибудь.

– Это надежда, – объясняет ангел. – Прости, но мне показалось, что тебе пригодится...

– И как, пригодилась?

– Не знаю, – ответила Н'гаи, сворачиваясь клубочком. – Демоны и ангелы, они ведь почти как люди... тоже любят придумывать несуществующие препятствия.

Работа

Волосы цвета мяты и рыжие глаза... таких не бывает, точно знаю, что не бывает, но вот она, передо мной, зеленоволосая и рыжеглазая, смотрит доверчиво и беспомощно. Одним словом, русалка.

– Ты говорить-то умеешь?

Смеется, один в один ручеек звенит. Нет, подобные экземпляры мне еще не попадались. Ну, главное, что нашел, теперь осталось наладить контакт. Копаюсь в сумке. Шоколадка, пачка сигарет... зеркальце. Кажется то, что надо, быстро вытираю о майку и протягиваю русалке.

– Хочешь? На, возьми, это тебе.

Берет, пальцы холодные, с лиловыми лепестками ногтей, и хочется схватить ее за руку, чтобы рассмотреть поближе, но нельзя. Спугну.

Вертит зеркальце в руках, разбрызгивая капли солнечного света, и жмурится, как кошка.

– Я подойду поближе, не убегай.

Кивает, даже подвигается, уступая место на камне. Темно-красный, расчерченный лиловыми жилками, валун на половину ушел в илистое дно реки, зеленая вода пахнет тиной, тени скользят вниз по течению, а ближе к середине важно покачиваются глянцевые листья кувшинок.

От русалки пахнет чем-то непонятным... не рыбой, точно. И кто придумал, что от них рыбой вонять должно? И про хвосты тоже чушь. Русалки, они вообще на людей похожи, только доверчивые слишком и в воде живут. А эта еще и масти необычной. Интересно, сколько за нее взять-то можно? Раза в два больше... а если к серьезному человеку подойти, то и вообще... но о цене потом, еще мысли учует.

– На, – протягиваю «Сникерс». – Вкусно.

Осторожно откусывает, по такой жаре и после валяния в сумке шоколад слегка расплавился, и русалка, съев батончик, протягивает измазанные ладошки.

– Вытереть?

Кивает. Как дети малые, ей богу... в такие моменты хочется бросить все и пойти... вопрос куда. Кому я нужен, ни образования, ни опыта работы – имею в виду нормальную работу, а не это браконьерство. Мятым платком вытираю русалочки пальцы, стараясь не раздвинуть, уж больно нежные... понял, чем от нее пахнет. Ромашкой, желтый такой, уютный запах... и еще немного перечной мяты и липового цвета.

– Откуда ты такая... чудная?

И ресницы у нее тоже зеленые, и брови, а на бледной коже россыпь серебристых веснушек, радужка к зрачку светлеет до желтизны... нельзя смотреть в глаза, заморочат, задурят голову, наведут кошмаров ночных.

Снова смеется, все-таки красивая... раньше не понимал, чего в них находят, а теперь вот жаль ее стало. Но деньги нужны, а жалость... пройдет. Всегда проходит. Кольцо в кармане, в бархатной коробочке, русалки любят, чтобы красиво...

С трудом получается сохранять равновесие, камень неожиданно скользкий, приходится цепляться за тонкие ивовые плети, покрытые мелкой листвой, ну да главное, чтобы русалка не сбежала. Нет, сидит, ждет, наблюдает за моей акробатикой с явным интересом... так и хочется подзатыльник отвесить за эту детскую доверчивость.

Улыбаюсь, опустившись на одно колено, протягиваю коробочку и теперь либо выгорит, либо нет:

– Стань моей женой!

Закрывает лицо ладошками, но так, чтобы видеть... главное, сейчас в глаза ей не смотреть... и не думать о деньгах, о ней думать, о том, какая красивая, а веснушки пятнышками

фольги, потрогать бы... и волосы расчесать, чтобы зеленой волной... лицом зарыться, окунаясь в запах ромашки и мяты.

Берет коробочку, кольцо сверкает золотом и синим камнем, на самом деле позолоченное олово и кусок стекла, но им нравится. Наивные. А ведь с размером угадал, подошло, словно специально для нее.

Протягиваю руку:

– Идем.

Идти недалеко, с полкилометра, чуть больше. Серегин фургончик наполовину въехал в заросли ежевики, колеса оставили полосы мятой травы, и русалка, видя подобное безобразие, вздыхает.

– О, уже? – Серега выбирается из кабины. – Ну ты это... профессионал. Давай отгону.

Мотор заводится не сразу, русалка смотрит, доверчиво жметя ко мне и от ромашково-мятно-липового аромата голова идет кругом. Наконец, Серега выводит машину и, открыв заднюю дверь, шуточно кланяется:

– Добро пожаловать, мадмуазель, карета подана.

Она смотрит на меня, уже понимая все, но надеясь, что ошибается. Не ошибаешься милая.

– Иди. Там... климат... влажность.

А еще темнота и клетка, удобная, чтобы товар не испортить, но все-таки клетка.

В кабине пахнет сигаретами, немного прихожу в себя, закуриваю, теперь-то можно, теперь все равно...

– Слышь, прикольная попалась... зеленая, а глазищи-то, глазищи... ну чисто янтарь. А ты это, молодец, я б не смог... хоть и нечисть, а все равно... как думаешь, сколько протянет? Ну, как профессионал.

Месяца два, может три или даже полгода. Никто не знает, почему, но русалки в неволе быстро дохнут. Дым щекочет небо, vyplывает в кабину, изгоняя прочие запахи. А я да... профессионал... охотник за нечистью... сами виноваты, нечего людям доверять.

Огни святого Эльма

В ее глазах огни святого Эльма... летишь вперед, захлебываясь ветром и вдруг резко каменный нож в брюхо. Доски трещат, черные волны холодом зализывают рану и, распластавшись на белой пене, пытаешься понять – куда летел...

Туда, за ней, зовет и слышу голос столь же явно, как ругань капитана. Он зол и испуган. Люди всего боятся, и ветра, и моря, и самих себя, это мне так кажется, но точно не знаю. Больно. Оседаю, оползаю вниз, погружаясь в солоно-горькую влагу, но лучше так, чем догнывать в порту, в черной корке ракушек и водорослей, мелких язвях древоточца, крысиным домом и остатками воспоминаний. Я знаю, я стар и ненадежен, и капитан давно уже стыдится того, что стоит на мостике «старой лоханки», но она... она помнит меня таким, как прежде. Нос взрезает волны, брызги в стороны, в парусах барахтается ветер и мачты стонут... счастье полета, блеск меди и запах дерева, черные дельфиньи спины и ее смех, ключьями пены волосы и шелестом волн колыбельная в редкие минуты штиля.

Она всегда была рядом, и незримое ее присутствие помогала выживать... как тогда, заносчивая испанка-каравелла вынырнула из тумана. Чугунные ядра клыками вспороли борта, взрывая такелаж и свернутые крылья парусов. Было больно и обидно... открыть порты, ответить порохом и дымом, дрожью канонады заглушить боль и собственный страх.

И потом долго ползти к порту, опасливо прислушиваясь к ветру... я боялся умереть, утонуть, а ты чертила лунную дорожку на волнах и звала, звала вперед... тот первый бой научил не доверять туману и себе.

Во втором я выжил благодаря буре, развела, разметала хищные тени фрегатов, позволила уйти, и преодолевая боль я летел по вычерненным волнам, лишь бы вперед, лишь бы спастись... а ты вела вперед, тогда же капитан сказал:

– Огни святого Эльма... Господь да помилует.

Он сказал, а я запомнил. Я уже знал, что огни и Господь не при чем, что это ты хранишь и лечишь раны, и верил в то, что выживу.

Выжил. Выживал. Боев было много, я побеждал и просто возвращался в порт, и однажды поверил в собственное бессмертие. В то, что это навсегда – море, ветер и твои глаза... а время шло. Зеленью выцветала медь, темной сыростью наливались, тяжелели борта, собирая мелкий груз морских дорог, и мачты, принимая ветер, отзывались болью... а я продолжал идти, вперед, не обращая внимания, ведь знал, что могу, что сумею, дойду и донесу людей и грузы. И даже не обижался на «лоханку», думал, шутит... он же с самого начала со мной, с первого полета, с первого боя...

А потом нечаянно услышал про новое назначение, новый корабль... а меня в доки...

Ты поняла, позвала вперед, и снова как прежде, черненные волны, ветер и полет, подняться вверх, на дыбы, сминая паруса, и брюхом на рифы. Так лучше, честнее... Волны забираются вверх по бортам, значит, недолго уже... спой мне колыбельную на прощанье, про море и русалку, про страну, куда уходят корабли и огни святого Эльма.

Полуденница

Она появилась на свет в первую неделю июля, когда раскаленный воздух коснулся нежных, только-только тронутых золотом вызревания колосьев. Стало больно и немного страшно, захотелось спрятаться, исчезнуть, растворившись в шелестящем море стеблей, прижаться к теплой земле или, наоборот, подняться вверх по тяжелому вязкому мареву.

А потом стало хорошо, и она поняла, что солнце вовсе не злое, а... золотое как и весь остальной мир. Ей нравилось находить все новые и новые оттенки, в белесом, испачканном редкими облаками, небе, в высоком дереве, растущем на самом краю поля, в колосьях, в тех существах, что суетливо и бестолково метались вокруг, не решаясь переступить вычерченную ею границу...

Вскоре она узнала, что те из существ, которые имеют крылья, зовутся «птицы», а те, которые ходят по земле – «звери», а некоторые звери – это люди. Люди ей не нравились, они долго сопротивлялись, норовя отвести взгляд, отступить, сбежать из ее совершенного золотого мира.

Этот не похож на прочих, стал у самой границы и, смешно прищурившись, вглядывался в поле, будто вызывал... один из тех, кто приходил раньше, часто вызывал других людей, но она так и не сумела разобраться, зачем. Может быть, этот знает?

– Покажись, – человек глядел прямо на нее, и не видел. Или только притворялся, что не видел? Она помнила, что некоторые люди специально притворяются, чтобы обмануть, хотя те, кого они обманывают, знали о притворстве и все равно платили за обман... это называлось «театр» и тоже было совершенно непонятно.

– Покажись. Я не причиню тебе вреда, вот, гляди. – Человек положил длинную палку на землю, у самого сплетения корней. Подарок? Смешной, у нее уже есть такие палки, они пахнут железом и еще чем-то нехорошим, но если положить во влажное место, запах исчезает, а на железе появляются мелкие пятна больного золота.

Но не отвечать было невежливо, она уже знала, что люди не всегда говорят то, о чем думают, прикрывая ложь словом «воспитание». Но как бы то ни было, она исполнила странную просьбу этого существа, и даже подошла к самой границе, протяни руку, и коснешься его волос или кожи, правда, тогда он убежит... все убежали.

– Красивая, – человек дотронулся до нее сам, это было неожиданно и приятно. – Волосы ну точно пух... нет, паутина, тонкая и золотая... мне говорили, будто полуденницы целиком из золота, а не верил.

– Кто такие полуденницы? – На всякий случай она глядела в землю, на тонкую линию, разделяющую ее и человека. Сапоги в серой пыли, и штаны тоже... а вопроса он не услышал.

– А сердце не бьется... вот, гляди, у меня стучит, – он протянул руку, широкое запястье, перечеркнутое белым шрамом, и синий ручеек, совсем как тот, который кормит ее поле, но только меньше. И на ее руке подобного нет...

– Светишься вся, такую красоту увидеть и разума не жалко... а правда говорят, что вы клады сторожите?

– Клады? – ей нравилось держать его руку и слушать. И сам человек нравился, смелостью своей да еще голосом, который хотелось слушать долго-долго. Может быть даже всегда.

– Клад, золото. У тебя там есть золото?

Она кивнула, у нее много золото, весь ее мир – одно сплошное золото...

– А еще слышал, что тот, кого полуденница сама в гости пригласит, унесет с собой столько золота, сколько сумеет.

Она снова кивнула. Ей не жаль, колосья зреют, тянутся к земле, соломенные стебли тихо шелестят, а солнечный свет огнем зажигает паутину листвы единственного в ее владениях дерева.

– Мне немного надо... честное слово, – человек широко перекрестился и тут же сплюнул через левое плечо. – Воевать надоело. То ты пытаешься убить кого-то, то тебя... просто бы пожить, хозяйство там, жену, детишек... я б трактор открыл или двор постоянный.

Наклонившись, она стерла линию-границу, мысль о том, чтобы пригласить кого-то в свой мир показалась... интересной. Но на всякий случай Полуденница уточнила:

– Ты расскажешь?

– О чем?

– Не знаю, – она улыбнулась, поскольку помнила, что улыбка – это часть лжи, которую люди именуют «воспитанием». Или «вежливостью». У них много слов, а у нее много вопросов. – Почему люди убивают других людей?

– Не знаю, – человек переступил границу смело и даже не оглянулся. И хорошо, ей бы не хотелось раньше времени его пугать. – А где золото?

Какой смешной вопрос... везде. Весь ее мир, горячий, бархатно-солнечный, расшитый бисером пшеничных зерен, – это золото. А он не видит... снова не видит. Жаль.

Он прожил еще три дня. Долго. Поначалу пытался бежать – она не мешала, наблюдая и утоляя собственное любопытство. Потом угрожал, умолял... и только на второй день начал отвечать на ее вопросы. Разговаривать с ним было интересно, поэтому когда человек замолчал, Полуденница огорчилась. Немного. Но присев на самом краю поля, поймала на ладонь солнечный луч и утешилась. От того, который замолчал, она узнала много интересного, например, что люди очень любят золото... золота у нее много, значит, можно будет пригласить кого-нибудь в гости.

Поймав еще немного света, Полуденница слепила бабочку... она подарит ее следующему гостю... быть может.

Предатель

Скоро он ее предаст, но сегодня они еще вместе. Разговаривают. Станный это разговор, слова не важны, зачем, когда есть взгляды, танец случайных прикосновений, тени улыбок, и розовеют от смущенья цветы яблони.

Волна лепестков и поцелуй. Красиво.

И больно. Сколько осталось? Месяц? Чуть больше, но слишком мало, чтобы остаться равнодушной. Наблюдаю. Завидую. И тут же, отрешиваясь от зависти, тихо радуюсь, что я – не она.

И снова шепот, бело-розовые лодочки лепестков на синем шелке платья, нежность поцелуя... отворачиваюсь. Иногда и у меня просыпается совесть, но редко, поэтому спустя минуту снова смотрю, пытаюсь запечатлеть в памяти каждую деталь.

Каплей темноты на белой шее родинка, тонкая цепочка и повторением солнечного диска медальон... внутри портрет и гравировка. Или два портрета... не заглядывала, но точно знаю – гравировка есть. Люди любят уродовать металл словами о любви и верности.

И все ж он ее предаст.

Письмо... мне нравится смотреть, как он пишет, задумчиво грызет перо, пальцы в чернилах, а по чистому листу скользят тени и кажется, еще немного и они сами расчертят бумагу изысканной вязью слов, тех самых, что ускользают от него. Мне очень хочется, чтобы письмо получилось, наверное, я чересчур сентиментальна. Отползаю в угол, чтобы не мешать, хотя он и без того не видит, но все-таки...

Все-таки предаст. Осталось десять дней.

Ее рука чертила буквы нежно, будто рисовала акварель... возможно натюрморт мгновения с синим шелком и лодочками из лепестков стыдливой яблони... он читает, долго, вдумчиво, лаская взглядом незримое свидетельство ее любви. Сегодня же сядет писать ответ, а я, свернувшись в уголке палатки, буду наблюдать. Потом мы вместе выйдем, чтобы отдать письмо курьеру. Человек впереди, а я за ним, след в след... мимо палаток, караулов, сквозь запахи войны и дым людских эмоций, просачиваясь сквозь страх и чувство долга, отбрасывая ненависть и предчувствие боли.

Недолго ждать, уже послезавтра...

Сегодня. Шеренга в шеренгу, ровным шагом, под барабанную дробь, сминая траву и загораясь желанием выжить, вперед, через поле... навстречу другим таким же, обделенным миром. Рев пушек, шорох пуль и белой тучей дым, да первый шелест крыльев.

Не слышат. Упрямые и невинные в своем упрямстве, идут на бой. Он в третьей шеренге, а я за спиной, касаюсь мундира, предупреждая.

Поздно.

Пуля в шею и россыпью кровавых капель роса полуденной войны. Сегодня много будет тех, кто предал, и тех, кто убивая, спасался от предательства.

Ловлю звезду души, в его глазах не я, валькирия, но гаснущий огонь несбывшейся любви, той самой, с запахом цветущих яблонь и желтым солнцем на цепочке... и ей он улыбается, а я краду улыбку. Преступление? Пускай. Ведь тем, кто собирает души, дозволена лишь тень чужой любви, отравленная знанием грядущей смерти...

Цветовод

В маленьком садике мадам Люи всегда тепло, и солнце светит одинаково ярко, а если и идет дождь, то легкий, светлый, разукрашенный акварелью радуги, оттого и нравится мне здесь, хочется сидеть на выглаженном солнцем пороге, слушая неторопливую речь и, по мере возможности, запоминая.

Запоминать тяжело, ну не укладываются знания в голове, зато питомцы мадам Люи сами тянутся к моим рукам. Мадам говорит, что у меня талант, не знаю, мне просто хорошо здесь.

Россыпь белых звезд на тонкой нити стебля, норовят спрятаться, укрыться в зеленых ладонях листьев.

– Девичья невинность, – мадам осторожно подымает соцветие, и белые лепестки в солнечных лучах стыдливо розовеют. – Увы, совершенно не переносит темноты и мужских прикосновений...

На всякий случай отодвигаюсь, ну ее, тем более, ничего красивого не вижу, так, переливается мягким перламутром и все, вот то ли дело соседка...

– Бабочка или огнекрылка, эту если хочешь, погладь, она ласку любит...

Трогаю лепестки, плотные, но в то же время нежно-бархатистые, а цвет не понять какой, то ли желтый, то ли оранжевый, а у основания и вовсе красный. Самый крупный из цветков мягко льнет к руке, лепестки прямо на глазах теряют былую упругость, а огненное многоцветье разрезают черные пятнышки.

– Еще Бабым веком величают... – добавляет мадам Люи, присаживаясь рядышком, от нее пахнет потом, немного землей и табаком. Сама она некрасива, крупнотела и неопрятна, мешковатый фартук ломкими складками, испачканное землей платье, полурыжие-полуседые волосы. Еще мадам Люи много курит, приговаривая, что это – не самый большой из грехов, а пастор Гарм, хоть и ворчит, что негоже смотрительнице сада баловаться табаком, но запретить не смеет.

Мадам Люи не принято перечить, вот вырасту, буду на ее месте, тогда и...

– Дурак, – беззлобно замечает она, и в очередной раз становится стыдно за свои мысли, а из дальнего уголка сада доносится то ли звон, то ли смех серебристо-стальных колокольчиков Совестьницы, ну эта никогда не упустит случая напомнить о себе.

– На вот, лучше, подкорми сходи, – мадам Люи протягивает кривобокую склянку мутного стекла, почти до краев заполненную чем-то бурым, густым и неприятным даже на вид.

– Давай, бери, помнишь, что делать?

Помню. Склянку беру осторожно, все чудится, будто содержимое просочится сквозь тонкие стенки, испачкает руки так, что не отмоешься, и иду в дальний угол садика. Мимо грядок с седовато-зеленой Жалельницей, листья которой постоянно блестят капельками росы, мимо бледной, неприглядной Благодати и черно-бурой, ошестинившейся колючками Зависти. Ишь разрослась, надо будет подрезать. А вот Златолюбка, темно-зеленые, глянцевые листья и россыпь плоских желтых цветов, ну точно монеты на веревочке, правда, мадам Люи отчего-то считает Златолюбку сорняком и нещадно выпалывает, а по мне так красивая...

Ну вот и нужная грядка, совсем крошечная, двумя ладонями накрыть можно, это потому, что цветы здесь больно редкие и капризные... к ним особый подход нужен.

– Здравствуйте, – я всегда здороваюсь с ними, и они отвечают. Благородница сворачивает жесткие лиловые листья, позволяя добраться до корней, и доверчиво-пушистая Преданность следует ее примеру... правильно, мои хорошие. А стебли-то присохли, ну ничего, сейчас я вас подкормлю.

Зубами выдираю пробку, уже не боясь того, что внутри склянки, и осторожно разливаю ее содержимое по грядке. Десять капель одной, десять другой... и хрупко-прозрачной, почти

как стекло, Чистоте тоже. И Любви с ее жесткими стеблями и мягкими разлетающимися в прах при малейшем дуновении ветра, цветами... на всех хватит.

Солнце печет спину, выплавляя пот, но мне все равно хорошо, радостно. Последняя капля крови нечаянно падает на корни Нежноцветы... ну вот, отвлекся, называется. Теперь съжится испуганным шаром или вообще завянет со страху. Нежноцвету крови не любит, пересадить бы ее, да ведь погибнет одна, капризная... только среди этих, прикормленных, и уживается.

– Ну извини, не хотел...

Мягкие листочки доверчиво распускаются, только дрожат немного, наверное, со страху. Нежноцвету красивая, а какая – и не скажешь, мне вообще говорить сложно... разве что с цветами, а с людьми – никак.

Выкопать бы чего-нибудь... у мастера Тако дочка родилась, вот бы славный подарок вышел. Мадам Люи часто делает людям подарки, и я буду, потом, когда вырасту и научусь правильно выбирать цветы...

Шелковые листья Нежноцветки тихо шевельнулись... будто вздохнула. А чего вздыхать-то, хорошо ведь и солнце светит.

Свет мой зеркальце

Свет мой зеркальце, скажи, да всю правду доложи... хотя нет, не надо правды, не сегодня, не сейчас, пощади, мое зеркальце, хотя бы ты, от остальных не жду, остальные с радостью рисуют мои морщины и мучнистую белизну кожи. Остальные ловят серебряные нити в волосах и потекшую линию подбородка, остальные перешептываются, перемигиваются бликами света.

Ненавидят.

Они меня, а я их, только ты, мое зеркальце, любишь, только ты достаточно милосердно, чтобы лгать, а я, радуясь, с готовностью верю в эту ложь. Спасибо тебе, ты помнишь, какой я была, ты не хочешь видеть, какой я стала, и глядя в темное стекло я возвращаюсь в прошлое, всего на мгновенье, на пару слов.

... кто на свете всех милее?

Я. Помнишь, как он меня любил? Как в один голос с тобой шептал, что я – самая-самая? И я помню, все, каждую ночь, каждый час, и розовые лепестки у ног, и шелк наряда, скользкий, холодный и неуместный, и собственный стыд, сжигающий и подталкивающий к самому краю... и свадьбу помню.

Славословия, поэмы, сказания и баллады, обо мне, для меня... очи огненные девы лесной... ворожея... северная звезда...

Перегорела звезда, поблекла, постарела... он тоже, но почему-то не так сильно. Или я просто не вижу? Люблю ведь, все равно люблю. А он меня?

Ответь, мое зеркальце, ты же знаешь правду...

Хотя нет, лучше молчи. Молчи и вспоминай, с тобою легче, с тобой сквозь время, туда, где только радость, только счастье, днем и ночью, бесконечное, всеобъемлющее, пугающее. Куда оно исчезло? А главное, когда? Не знаешь? И я тоже.

...кто румяней и белее?

Осыпается пудра и румяна, лицо как у покойницы, а ты показываешь то, что было раньше. Щадишь. Любишь. Спасибо.

С тобой легко обманываться, но из головы не идет она, моя соперница. Красива, молода, свежа, наивна, почти как я когда-то... и мой король тоже видит это, мой король влюблен, я знаю его лучше, чем кто бы то ни было. Пытается скрывать, пытается беречь то, что осталось от моего самолюбия, но надолго ли хватит его бережливости? Любовь безумна и бездумна, и я не в состоянии что-либо сделать.

Я знаю, что будет впереди... сначала шепоток, потом шепот, откровенные улыбки, людей и зеркал, боль, которую приходится скрывать за гордостью, и взгляд чужой родного человека. Он станет ненавидеть, пусть не сразу, но когда-нибудь... я ведь мешаю жить, мешаю любить.

Просто мешаю.

Так стоит ли, зеркальце, время тянуть? Три капли в бокал с вином, немного горчит, но я потерплю... пусть это будет похоже на сон... или сказку.

Да, зеркальце, пусть это будет сказкой о старой королеве и потерянной любви...

Верую

Credo in Deum... /Верую в Бога/

Спи, моя недозволенная любовь, мой непрощенный грех, мой сон, искушение, устоять пред которым не достало сил. Спи, доверчивый суккуб, мой падший ангел, мое наказание. Губами коснуться виска, пропустить прядь волос сквозь пальцы, вдохнуть твой запах, запоминная... прощаясь.

Твоя душа во сне очнулась, светла, чиста, и то, что я собираюсь совершить, будет сделано не ради меня, но ради тебя. Ради бессмертия и этой чистоты. Я должен.

Прости.

...Patrem omnipotentem... /Отца Всемогущего/

Камера. Камень. Сырость и сумрак. Распятие на стене, распятие на столе, распятие на груди. Это место Бога и место грядущего суда.

Ты плачешь, и слезы ранят сердце. Но не имею права отступить, я спасу тебя, пусть и такой ценой. Не опирайся, не причиняй себе боли.

Monitiones¹

Последний шанс на раскаяние, ты отказываешься, ты смотришь на меня, а я шепчу слова молитвы, ища успокоение. Дознание начнется завтра.

Господь да сохранит грешную душу твою.

...Creatorem caeli et terrae. /Творца неба и земли/

Квалификатор² деловит, диктует протокол допроса, я записываю, стараясь не вдумываться в смысл.

...спрошенная, почему народ ее боится, обвиняемая отвечать отказалась...

...о причинах ее прикосновения к мальчику, который вскоре заболел, солгала, будто...

...а о том, что она делала на поле во время грозы, дала следующее объяснение...

Я пишу, старательно, не отрываясь, не обращая внимания на сводящую пальцы судорогу, слезящиеся глаза и холод, от которого немеет все тело.

Рука сама выводит буквы.

...как давно вы стали ведьмой?

...чем было озаменовано это событие?

...кого вы выбрали своим инкубусом? Как его зовут?

Почему ты не признаешься? Неужели Дьявол столь силен, что боль телесная тебя не страшит?

Раскайся! Отрекись!

Улыбаешься.

Безумная.

---

¹ Увещания (monitiones). Так в святом трибунале называются три предостережения, которые инквизиторы делают обвиняемому на трех первых аудиенциях, следующих за его арестом, чтобы побудить его старательно припомнить прошлое, испытать свою совесть и добровольно признаться во всем, что он помнит о сказанном или сделанном против католической веры, давая ему при этом понять, что никто не арестовывается без того, чтобы против него не было улики в проступке, что, если его сознание будет искренне и если он действительно раскается, по отношению к нему будет применено снисхождение.

² Квалификатор – богослов, который оценивает действия и речи, выражая свое мнение о внутреннем убеждении их авторов. Квалификация объекта – оценка приписываемых обвиняемому поступков и слов, рассматриваемых без обсуждения намерения, которое обвиняемый мог при этом иметь.

Et in Jesum Christum, Filium ejus unicum, Dominum nostrum... Ми в Иисуса Христа, единого Его Сына, Господа нашего/

Ты все же боишься боли. Ты кричишь, и отраженный камнем голос рвет душу на куски, и хочется завить с тобою вместе.

– Какие чары вы использовали, дабы соблазнить брата Себастьяна? – квалификатор, пальцами раздвигая веки, заглядывает в твои глаза, сначала в левый, потом в правый. Увидит ли он то же, что и я?

Когда-то в глазах твоих открылась неба синева, пресветлая, пречистая, блаженная, как рай, что обещают нищим духом. Я стал богат, я стал всевластен.

И покорился небу.

– Отвечай, – квалификатор, подав знак палачу, отошел в сторону.

Крик. И снова, и снова. Господи, пощади, когда же это закончится?

Никогда.

... qui concéptus est de Spírítu Sancto, natus ex María Vírgine, passus sub Póntio Piláto... /который был зачат от Духа Святого, родился от Марии Девы; страдал при Понтии Пилате/

– Никогда прежде не доводилось видеть ведьмы столь упрямой, – брат Томас, облизав пальцы, потянулся к блюду с ветчиной. – А жареные перепела ныне удались. Вино, правда, кисловатое.

Он срыгнул, утер испачканные жиром губы рукавом сутаны и, повернувшись ко мне, поинтересовался:

– Как же это получилось, что сразу ведьмы не разглядели, а?

Хитрый прищур рыже-карих глаз, мелкие веснушки, розовые щеки. Брат Томас похож на поросенка, которого вручают на ежегодной ярмарке лучшему лучнику.

Ненавижу.

– Эх, молодость, молодость... вот и меня в свое время угораздило. Хороша была, дьявольски хороша...

Он говорит, запивая рассказ о прошлом тем самым кислым вином, и пьянеет, и путается, и жестами пытается возместить недостаток слов. Неужели вот он, хмельной и неуклюжий – один из тех, кто избран Господом дабы вершить суд?! Он, без стыда и раскаянья говорящий о грехах своих, будет отпускать твои прегрешения?

На стене распяты, в душе темнота, которой прежде не было.

Ты – мое солнце, проклятое, отверженное, отданное добровольно во имя спасения.

Так где же оно?

...crucifíxus, mórtuus, et sepúltus: descéndit ad ínferos... /был распят, умер и погребен; сошел во ад/

Моя келья пахнет сыростью и тленом, каменный пол холоден и слабое тело умоляет о пощаде. Брат Томас спит, и эхо разносит его храп по коридорам, я же молюсь.

Пытаюсь молиться, но знакомые слова вдруг исчезли из памяти. А вместо них – сомненья, шепот, голос тьмы, который говорит мне об ошибке, о том, что ты – не ведьма. Ты – просто женщина.

А я мужчина.

Не было греха, Бог – есть любовь.

Тогда за что наказание? И кто наказан? Я снова запутался, проигрывая в споре то ли с Дьяволом, то ли с самим собой. До рассвета далеко, это последняя ночь здесь, завтра будет вынесено решение. И приговор. Тебе и мне.

Помоги, Господи, дай упокоение, ибо верую... Credo, credo, credo ... помоги же...

...tertia die resurrexit a mortuis... /в третий день воскрес из мертвых/

Ночь тянется долго, ночь гасит сбивчивые мои молитвы и выпускает на волю воспоминания.

Случайная встреча у озера. Небо твоих глаз и незнакомое прежде желание смотреть вечно, выискивая все новые и новые оттенки, ловить свое отражение, удивляясь его чистоте. Белый мох поляны у лесного озера, мягче ковра, мягче перины. Запах вереска и дыма, сосновые ветки в огне и желтой кровью проступающий сквозь кору жидкий янтарь. Беседы, прикосновения... первый поцелуй.

Ты убежала.

И вновь вернулась следующим вечером. Я ждал, томился, сгорал от непристойной страсти, не понимая, что со мной.

Я виноват! Не ты, но я!

...ascendit ad caelos; sedet ad dexteram Dei Patris omnipotentis... /восшел на небеса и сидит одесную Бога Отца Всемогущего/

Я был безумен и беспечен.

Прости меня, Господи, ибо грешен! Каюсь, каюсь, каюсь...

Люблю.

...inde venturus est iudicare vivos et mortuos. /оттуда придет судить живых и мертвых/

Мою вину не искупить словами, и плеть привычной тяжестью ложится в руку. Каждую ночь, пока идет процесс, я ищу дорогу к Богу, пытаюсь вернуть потерянную душу. Болью за боль, выжигая память о руках твоих... кровью за кровь, смывая прикосновения губ... шрамами за шрамы... я излечусь.

Я верую.

И сомневаюсь.

Credo in Spiritum Sanctum /Верую в Духа Святаго/

Брат Томас поутру мрачен, пьет воду, чуть подкрашенную вином, и хмурится.

– Себастьян, – голос его отдает непривычной хрипотцой, – уж как-то слишком ты усердствуешь... поберегся б... и меня поберег. Сил никаких это слушать. А что до вины, так ведьма же... куда тут человеку устоять?

Он вздыхает и крестится.

Распятый Христос на деревянном кресте по-прежнему молчит. Господь не слышит меня. Господь отвернулся от того, кто предал дважды. Его и ее, мою проклятую любовь.

Вино в воде свивается багряными спиралями, похожими на языки огня.

Знак?

sanctam Ecclesiam catholicam /святую Католическую Церковь/

– Таким образом, не остается сомнений в том, что женщина сия, отринув Господа, заключила союз с Дьяволом, обменяла душу бессмертную на искусство ведьмовства и ворожбы. И читаем у Левита, – брат Томас говорит спокойно, размеренно, делая долгие паузы, точно желает, чтобы все присутствующие прониклись важностью сказанного: – "Чья душа склоняется к магам и кудесникам и с ними блудит, против того хочу я поднять лик свой и низринуть из стада народа своего". Тоже и в главе 20 находим "Тот мужчина или та женщина, в которых пребывал пифонический или прорицательский дух, должны быть умерщвлены"!

Ты не слушаешь его, тебе уже все равно, тебя нет, потому как то окровавленное, изломанное, чуть прикрытое лохмотьями существо не может быть тобой. Я помню все и ненавижу память. Перебираю четки и молчу.

– По размеру греха будет и род наказания, – закончил речь брат Томас. – Quemadero³.

...sanctorum communionem... /святых общение/

Толпа. Пришли полюбоваться на то, как станут жечь ведьму. Свистят, выкрикивают проклятья, швыряют комья грязи и не видят, насколько сами грязны.

Я вглядываюсь в них, пытаюсь понять – если по образу и подобию Его сотворены, то неужели Он, Творец и Создатель столь же отвратителен, как эти люди?

Дьявол, Дьявол во мне, он нашептывает, он отворачивает от веры истинной, он склоняет ко тьме неверия.

Я не поддамся.

Верую.

И сомневаюсь.

...remissionem peccatorum... /оставление грехов /

Я читаю *merita*⁴, громко и ясно.

Я стою спиной к тебе, лицом к людям, но людей не вижу... паства, стадо жадное и нетерпеливое, испуганное и ненавидящее. В рай под хлыстом пастуха? По узкой тропе? А что там, за воротами? Не лавка ли мясника, который прячется под маской Бога? Ведь тот не может быть жесток настолько, как мне видится сейчас?

И что я делаю здесь, среди них? Собственными руками отдаю то, что дороже всего. Отрекаюсь. Во имя веры. А веры нет.

Credo, Domini.

В словах пустота.

– Ведьма! – тонкий детский голосок взлетел к небу. – Ведьма!

...carnis resurrectionem... /воскресение плоти/

– Ты уверен, что желаешь этого? – Брат Томас хмурится пуще прежнего, скребет брюхо, смотрит недоверчиво. – Совсем не обязательно... ты и без того проявил себя верным сыном Матери нашей Церкви.

– Только пройдя весь путь, можно разрешить сомненья.

Я понял это лишь сейчас, правильно, логично, дойти до конца того единственного пути, который вижу. И то, что ждет меня, страшит, но иначе... иначе я сойду с ума, погибну в спорах с самим собой.

– Я верую, – не знаю, для кого предназначены эти слова, для меня ли, для брата Томаса, но он, чуть подумав, кивает.

Руки дрожат, то ли оттого, что факел неожиданно тяжел, то ли от робости. Я иду к тебе, с огнем и очищением.

... с болью и предательством.

Я иду к тебе со словом Господа и прощением.

...без надежды быть прощенным.

Воскресением души.

...смертью.

... vitam aeternam. /жизнь вечную/

---

³ Кемадеро (quemadero), то есть площадь огня. Это площадь, где осужденные сжигаются живьем или фигурально в их изображениях. Она всегда отводилась в поле, вне города.

⁴ Вины (*merita*). Этим выражением имеют обыкновение обозначать извлечение из процесса инквизиции, читаемое секретарем перед аутодафе каждый раз, когда на основании окончательного судебного решения виновный должен выслушать свой обоснованный приговор.

Я подошел близко, недозволенно близко, но теперь мне нет дела до правил и установлений. Я хочу попрощаться. Вдохнуть последний раз твой запах – кровь, грязь и никакого вереска. Обнять, губами губ коснуться, рукою провести по коже израненной и заглянуть в глаза. В них по-прежнему живо небо... такое, как должно, потерянное, недоступное и чистое...

Я смотрюсь в него и отраженная душа уродлива. А ты прекрасна.

Amen.

Рука сама разжимается, факел падает на хворост, тот в одно мгновение вспыхивает, вырастая сзади огненной стеной. Зато теперь могу обнять тебя, почти как раньше... а ты закрой глаза, усни, доверчивый мой ангел. Там, за порогом, вспомни обо мне.

Ты спасешься.

Я верую.

Эоли

Танцуй, Эоли, пляши, Эоли, лети, Эоли, птицей ли, ветром ли, босыми ногами по мостовой. Браслеты скользят по рукам, то вверх, почти слетая с тонких пальцев, то вниз, к локтю, волшебным перезвоном музыки, которая слышна тебе одной, и может быть, немного мне.

Ласкаю струны, лучше бы тебя, вот так, то нежно, то почти жестоко, то умолять, то требовать, то замирать и слушать... твоё дыхание, и сердца стук, и то, как шелестят подошвы, касаясь камня.

Танцуй, Эоли, для меня танцуй, забудь о тех, кто смотрит, завистливо и жадно, не пляскою любуюсь – тобой, тем, как вздымается грудь под тонкой тканью, как жемчугом блестит на смуглой коже пот, как ты, слегка сбиваясь с ритма, в волнении прикусываешь губы, хмуришься. Боишься, и людей, и взглядов.

Не надо, Эоли, они того не стоят.

Ничего не стоят, ни гроша из тех, что с таким презреньем швыряют тебе под ноги. Ни взгляда, ни улыбки, ни даже ненависти.

Звенит струна, срываясь в крик. Опять. Ты замираешь, зная наперед, что будет дальше. И я тоже знаю, я не хочу, я сдвигаю время, вытягивая музыку сквозь боль, пусть пальцы омертвели, но я играю, а ты танцуй... моя Эоли, чужая Эоли...

С кем ты уйдешь, когда мелодия иссякнет? Вон с тем купцом, который уже час стоит и смотрит так, что даже слов не надо, чтобы понять его желания. Или вон с тем мальчишкой, он юн, красив и, судя по одежде, богат. Или с военным, что небрежно швыряет серебро к твоим ногам?

Кого ты выберешь на этот раз? А кто из них вернется завтра, чтобы увидеть новый танец... чтобы опять купить тебя?

Не знаю. Не хочу. Закрывать глаза и, преодолевая боль, играть. А пальцы снова в кровь...

Танцуй же, Эоли.

Расскажи мне сказку

Расскажи мне сказку, пожалуйста. Или не мне, просто расскажи, про ветер, который шепчет деревьям о скорой осени, о том, как слова его порождают печаль и вот уже березы оплакивают золотом еще не ушедшее лето, осины дрожат в предчувствии холодов, и лишь дубы, величественно-равнодушны, ловят солнечный свет.

О море расскажи, как на зиму седеет редкой пеной, злиться, рвет холодными лапами берег, будто желает стереть тонкую пленку льда, и зима отступает, зима уступает узкую полосу серого песка и немного гальки.

Расскажи о весне, что приходит робким теплом, надеждой и светом, как разбужены, растроганы и растеряны, сосны сочатся янтарной смолой, а ветер черпает морскую воду и несет к берегу, норовя расплавить снег, чтобы земля скорее отогрелась. И просыпаются драконы, режут и чертят небо причудливым рисунком весеннего полета... пора любви.

И безнадежности.

Но ты не слушай, ты говори, теперь о том, как разгорается жаром лето, и пыль летит, а воздух пахнет вереском.

Расскажи о кораблях, что уходят туда, за тонкую черту, объединяющую море с небом, о воинах, купцах и тех, кто лишь дорогою живет. О чайках и рыбьехвостых девах, поющих славу бурям, о Морском Царе и дочерях его.

Твое окно прикрыто ставнями, и двери на засов. Разодранное небо сыплет снегом, луны почти не видно и мороз крепчает, надо уходить, но не могу, я снова у твоего порога, я к стенке жмусь и напрягаю слух, пытаюсь уловить твой голос и рассказ.

– Собаки замолчали, мне страшно, мама... – детский голос. Дочь твоя на тебя похожа, но пахнет молоком и свежим хлебом. Сейчас ты скажешь, что все хорошо...

– Собаки уснули... не надо бояться.

Завывающий ветер стер часть слов и сыпанул в морду колючего снега. А бояться и вправду не надо, я же здесь, я сберегу, от собак, от людей, от себя самого...

– Засыпай, – ты говоришь это дочери, но и я закрываю глаза. И ветер успокаивается как-то сразу и вдруг, проводит холодной рукой по загривку, будто гладит.

– Давным-давно в одной далекой-далекой стране жил-был...

... оборотень...

Свернуться клубком, так теплее, и луна выглянула... боль проклятия по телу, до судороги, до кровавой мути в глазах, до изодранных клыками лап... не впервой, выдержу. Я не зверь... не знаю, кто, но не зверь... и твой голос спасением. Надеждой.

– Он очень хотел увидеть край света и как солнце тонет, чтобы выплыть на другой стороне океана, и дочерей Морского Царя, которые из собственных волос сплетают сети и ловят души погибших моряков...

...и собирают слезы вдов, превращая их в жемчуг... боль почти ушла, зализываю раны и выплавленный кровью снег, не хочу, чтобы ты утром увидела и испугалась.

– А потом он потерял среди всех дорог ту, которая ведет к дому.

– Заблудился?

– Заблудился. Забыл, что значит любить, и заблудился.

...неправда, не забыл. Поэтому я здесь, каждый вечер здесь, за дверью, за порогом, но никогда не переступлю, не осмелюсь... снова луна и снова боль, стискиваю зубы, цепляясь за память... я не уходил, никогда не уходил, я рядом, только тебе не нужно знать... слишком добрая, слишком доверчивая...

Шаги за стеной, кровь на клыках... моя... не надо, не открывай дверь. Не обращай внимания на следы во дворе, на собак, что каждый вечер трусливо замолкают, и на людей, сплетничающих, будто в доме у тебя кошка и та не прижилась.

Я не виноват... я просто не хочу быть зверем... помоги... расскажи мне сказку.

Не прогоняй молчанием.

Пожалуйста.

Перемены

– А я вот что скажу, товарищи! – голос, доносящийся из-за двери был полон энергии. И нейметса же им, третий день сидять, а все не успокоятся. Иль четвертый ужo? Банник поскреб бороду, выдрал из колтуна присохший березовый лист – небось с прошлого году остался – и отошел от двери. Слухать этих охальников дале мочи не было... от же люд пошел, ну никакой на них управы, собираются, оруть, а потома шаечки-то пропадают.

– Пропадают шаечки-то, – сказал Банник своему отражению в мутноватом стекле. Ишь запотело. Охохоюшки... и чего тапериче делать-то? Гнать, знамо дело. А как? Их вона скока, человекoв тридцать, или сорок, а то и полсотни наберетса, если с тихими вместе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.